

Доктор ЗЕММЕЛЬВЕЙС

В истории медицины был такой клинический случай.

«Примерно до середины 19 века в акушерских клиниках Европы свирепствовала родильная лихорадка. В отдельные годы она уносила до 30 и более процентов жизней матерей, рожавших в этих клиниках. Женщины предпочитали рожать в поездах и на улицах, лишь бы не попасть в больницу, а ложась туда, прощались с родными так, будто шли на плаху. Считалось, что эта болезнь носит эпидемический характер, существовало около 30 теорий ее происхождения. Ее связывали и с изменением состояния атмосферы, и с почвенными изменениями, и с местом расположения клиник, а лечить пытались всем, вплоть до применения слабительного. Вскрытия всегда показывали одну и ту же картину: смерть произошла от заражения крови.

Ф.Пахнер приводит такие цифры: "...за 60 лет в одной только Пруссии от родильной лихорадки умерло 363624 роженицы, т.е. больше, чем за то же время от оспы и холеры, вместе взятых... Смертность в 10% считалась вполне нормальной, иначе говоря, из 100 рожениц 10 умирало от родильной лихорадки..." Из всех заболеваний, подвергавшихся тогда статистическому анализу, родильная лихорадка сопровождалась наибольшей смертностью.

В 1847 г. 29-летний врач из Вены, Игнац Земмельвейс открыл тайну родильной лихорадки. Сравнивая данные в двух различных клиниках, он пришел к выводу, что виной этому заболеванию служит неаккуратность врачей, осматривавших беременных, принимавших роды и делавших гинекологические операции нестерильными руками и в нестерильных условиях. Игнац Земмельвейс предложил мыть руки не просто водой с мылом, но дезинфицировать их хлорной водой - в этом была суть новой методики предупреждения болезни.

Окончательно и повсеместно учение Земмельвейса не было принято при его жизни, он умер в 1865 г., т.е. через 18 лет после своего открытия, хотя было чрезвычайно просто проверить его правоту на практике. Более того, открытие Земмельвейса вызвало резкую волну осуждения не только против его методики, но и против него самого (восстали все светила врачебного мира Европы).

Земмельвейс был молодым специалистом (к моменту своего открытия он успел проработать врачом около полугода) и не пристал еще к спасительному берегу ни одной из имевшихся тогда теорий. Поэтому ему незачем было подгонять факты под какую-то заранее выбранную концепцию. Опытному специалисту сделать революционное открытие гораздо сложнее, чем молодому, неопытному. В этом нет никакого парадокса: крупные открытия требуют отказа от старых теорий. Это очень трудно для профессионала: давит психологическая инерция опыта. И человек проходит мимо открытия, отгородившись непроницаемым "так не бывает"...

Открытие Земмельвейса, по сути, было приговором акушерам всего мира, отвергавшим его и продолжавшим работать старыми методами. Оно превращало этих врачей в убийц, своими руками – в буквальном смысле – заносящими инфекцию. Это основная причина, по которой оно вначале было резко и безоговорочно отвергнуто. Директор клиники, доктор Клейн, запретил

Земмельвейсу публиковать статистику уменьшения смертности при внедрении стерилизации рук. Клейн сказал, что посчитает такую публикацию за донос. Фактически лишь за открытие Земмельвейса изгнали с работы (не продлили формальный договор), несмотря на то, что смертность в клинике резко упала. Ему пришлось уехать из Вены в Будапешт, где он не сразу и с трудом устроился работать.

Естественность такого отношения легко понять, если представить, какое впечатление открытие Земмельвейса произвело на врачей. Когда один из них, Густав Михаэлис, известный врач из Киля, информированный о методике, в 1848 г. ввел у себя в клинике обязательную стерилизацию рук хлорной водой и убедился, что смертность действительно упала, то, не выдержав потрясения, он кончил жизнь самоубийством. Кроме того, Земмельвейс в глазах мировой профессуры был излишне молод и малоопытен, чтобы учить и, более того, чего-то еще и требовать. Наконец, его открытие резко противоречило большинству тогдашних теорий.

Поначалу Земмельвейс пытался информировать врачей наиболее деликатным путем – с помощью частных писем. Он писал ученым с мировым именем – Вирхову, Симпсону. По сравнению с ними Земмельвейс был провинциальным врачом, не обладавшим даже опытом работы. Его письма не произвели практически никакого действия на мировую общественность врачей, и все оставалось по-прежнему: врачи не дезинфицировали руки, пациентки умирали, и это считалось нормой.

К 1860 году Земмельвейс написал книгу. Но и ее игнорировали.

Только после этого он начал писать открытые письма наиболее видным своим противникам. В одном из них были такие слова: "...если мы можем как-то смириться с опустошениями, произведенными родильной лихорадкой до 1847 года, ибо никого нельзя винить в неосознанно совершенных преступлениях, то совсем иначе обстоит дело со смертностью от нее после 1847 года. В 1864 году исполняется 200 лет с тех пор, как родильная лихорадка начала свирепствовать в акушерских клиниках - этому пора, наконец, положить предел. Кто виноват в том, что через 15 лет после появления теории предупреждения родильной лихорадки рождающие женщины продолжают умирать? Никто иной, как профессора акушерства..."

Профессоров акушерства, к которым обращался Земмельвейс, шокировал его тон. Земмельвейса объявляли человеком "с невозможным характером". Он взывал к совести ученых, но в ответ они выстреливали "научные" теории, окованные броней нежелания понимать ничего, что бы противоречило их концепциям. Была и фальсификация, и подтасовка фактов. Некоторые профессора, вводя у себя в клиниках "стерильность по Земмельвейсу", не признавали этого официально, а относили в своих отчетах уменьшение смертности за счет собственных теорий, например, улучшения проветривания палат... Были врачи, которые подделывали статистические данные. А когда теория Земмельвейса начала получать признание, естественно, нашлись ученые, оспаривавшие приоритет открытия.

Земмельвейс яростно боролся всю жизнь, прекрасно понимая, что каждый день промедления внедрения его теории приносит бессмысленные жертвы, которых могло бы не быть... Но его открытие полностью признало лишь

следующее поколение врачей, на котором не было крови тысяч женщин, так и не ставших матерями. Непризнание Земмельвейса опытными врачами было самооправданием, методика дезинфекции рук принципиально не могла быть принята ими. Характерно, например, что дольше всех сопротивлялась пражская школа врачей, у которых смертность была наибольшей в Европе. Открытие Земмельвейса там было признано лишь через... 37 (!) лет после того, как оно было сделано.

Можно представить себе то состояние отчаяния, которое овладело Земмельвейсом, то чувство беспомощности, когда он, сознавая, что ухватил, наконец, в свои руки нити от страшной болезни, понимал, что не в его власти пробить стену чванства и традиций, которой окружали себя его современники. Он знал, как избавить мир от недуга, а мир оставался глух к его советам.»

<http://lechebnik.info/7-46.htm>

Австрия, Вена, XIX век. Эпидемия послеоперационной горячки уносит в могилу иногда до 60% всех оперированных. Огромная смертность чудовищным грузом лежит на совести хирургов и акушеров, которые после вскрытия трупа беззаботно направляются оперировать больных, исследовать рожениц, принимать роды. Вследствие этой безалаберности родильная лихорадка становится постоянным спутником всех родильных заведений. Альфред Вельпо (1795–1867), знаменитый французский хирург, с горечью констатировал: «Укол иглой уже открывает дорогу смерти».

Одновременно было замечено, что операции, произведенные на дому, заканчивались менее печально. Это обстоятельство позволило послеоперационной горячке присвоить второе название – «больничная горячка». Но и только. Никто толком не знал, как против нее бороться. Больницы производили самое удручающее впечатление. В палатах, плохо проветриваемых и убираемых, царили грязь и смрад. Больные лежали на койках, стоящих близко друг к другу. Рядом с выздоравливающими лежали умирающие, только что прооперированные – с теми, у кого гноились раны и была высокая температура.

В операционной было не чище, чем в палате. В центре стоял стол из неотесанных досок. На стене висели хирургические инструменты. В углу на табурете стоял таз с водой для хирурга, который мог после операции вымыть окровавленные руки; до операции, по общему мнению, мыть их было бессмысленно – ведь они еще чистые. Вместо ваты применяли корпию – клубки ниток, вырванных из старого белья, чаще всего нестиранного. Жуткое зрелище представлял и сам хирург, когда облачался в свой сюртук, запаханный кровью и гноем больных. Об опыте и умении врача нередко судили по тому, насколько грязен его сюртук...

Борьбу за чистоту в больницах одним из первых начал акушер Земмельвейс. Он

первым основал настоящую хирургическую клинику с применением санитарно-гигиенических требований, которые в то время могли быть использованы. О санитарии он вынужден был заботиться, так как столкнулся с фактом высокой послеоперационной смертности, причины которой долгое время оставались загадочными.

Игнац Филипп Земмельвейс родился 17 июля 1818 года в венгерском городе Пеште в семье торговца. После окончания начальной школы и гимназии в Буде (Офен), в 1837 году он поступил на юридический факультет Венского университета. Родители хотели, чтобы сын подготовился к карьере военного судьи. Но Игнац увлекся естественными науками и перешел на медицинский факультет. В Вене он учился на 1-м курсе, в Пеште на 2-м и 3-м курсах, затем снова вернулся в Вену и уже там завершил свое обучение.

Его учеба совпала с началом возрождения естественных наук в Австрии. В Венском университете работали известные ученые-медики Рокитанский, Шкода и Гебра, которые оказали большое влияние на формирование взглядов Игнаца. По окончании учебы Земмельвейс пытался попасть в ассистенты к знаменитому терапевту Йозефу Шкоде, одному из основателей «Новой Венской школы», но это ему не удалось и тогда пришлось стать акушером.

Игнац Земмельвейс получил 1 июля 1844 года докторский диплом, представив работу «De vita plantarum». В связи с тем, что Земмельвейс уже дважды проделал практический курс акушерства в 1-й акушерской клинике, он обратился к профессору Клейну, директору этой клиники, с просьбой о предоставлении ему места ассистента. Его приняли ассистентом лишь 27 февраля 1846 года, и то, как оказалось, временно: предшественнику Игнаца доктору Брейту 20 октября этого же года продлили договор еще на два года. К счастью, 20 марта 1847 года Брейт получил профессорскую кафедру в Тюбингене, и место ассистента было закреплено за Земмельвейсом.

Кроме 1-й акушерской клиники, предназначенной для практических занятий врачей и студентов, в университете была и 2-я клиника, руководимая Бартшем, в которой обучались акушерки. Доктору Земмельвейсу бросился в глаза огромный разрыв в количестве заболевших и умерших рожениц в этих двух отделениях. Он подсчитал, что в 1840-1845 годах смертность в 1-м отделении была в три раза, а в 1846 году – даже в 5 раз больше, чем во 2-м отделении. В 1-м отделении смертность достигала 31%. В течение одного года в 1-м отделении из 4010 разрешившихся от бремени умерло 459 (11,4%), в то время как во 2-м отделении из 3754 рожениц погибло 105 (2,7%). Такое различие у многих вызывало недоумение, но особенно был изумлен Земмельвейс. Говорили, что причины громадной смертности в 1-м отделении кроются в общей эпидемической обстановке в Вене, якобы роженицы поступают туда уже заболевшими. Земмельвейс чувствовал, что объяснения не выдерживают критики, но какова на самом деле причина, долго понять не мог. Доктор Земмельвейс подозревал, что если это и эпидемия, то корень ее кроется в самой клинике.

Объяснения были самые курьезные. Одни убеждали доктора Земмельвейса, что поскольку 1-е отделение пользовалось дурной славой, то роженицы поступали туда, испытывая страх. Другие обвиняли в заболевании католического священника, ходившего с колокольчиком, который расстраивал роженицам нервы. Говорили об

особом контингенте пациентов этой клиники, туда поступали преимущественно бедные, заявляли о грубом исследовании рожениц студентами и стыдливости женщин, которые рожают в присутствии мужчин...

По меньшей мере вздорными находил эти объяснения Земмельвейс. Он искал и не оставлял надежду найти и устранить причину, уносящую так много жизней ни в чем не повинных рожениц. Он подметил, что, чем больше времени проводят беременные в больнице, тем больше шансов на заболевание, и не только после родов, но и во время последних. Он намеревался доказать это на цифрах, представив специальные таблицы. По предложению Шкоды была организована особая комиссия, однако Клейн, заведующий кафедрой акушерства, настоял, чтобы ее распустили.

В конце 1846 – начале 1847 года Земмельвейс отправился в Дублин с научной целью, а затем поехал отдыхать в Венецию, отчасти чтобы несколько рассеять свое тяжелое настроение от пережитых впечатлений в клинике. В его отсутствие в Вене трагически погиб любимый профессор судебной медицины Колетчка. При вскрытии трупа он случайно поранил палец, после чего у него возник сепсис. Земмельвейс, так много думавший над причиной родильной горячки, быстро сообразил, что смерть Колетчки произошла по той же причине, по которой гибли роженицы. В кровь профессора попал трупный яд, который остался на ланцете. Земмельвейс предположил, что так же погибали роженицы: им вносилась инфекция в родовые пути. В Венской медицинской школе в те годы господствовало так называемое анатомическое направление: акушеры увлекались препарированием трупов. Земмельвейс также ежедневно работал в анатомическом театре, а затем отправлялся в акушерскую клинику и исследовал беременных.

После смерти друга Земмельвейс написал: «Один бог знает число тех, которые по моей вине оказались в гробу. Я так много занимался трупами, как редко кто из акушеров... Я хочу разбудить совесть тех, кто еще не понимает, откуда приходит смерть, и признать истину, которую узнал слишком поздно...»

Доктор Земмельвейс решил экспериментально подкрепить свои выводы. Вместе со своим другом доктором Lautner`om, ассистентом Карла Рокитанского, он произвел девять опытов на кроликах, вводя им в кровь секрет из матки заболевших рожениц, – кролики заболели.

Не откладывая, Земмельвейс предложил ввести в клинику антисептику, метод обеззараживания рук медицинского персонала хлорной водой. Земмельвейс называл убийцами тех акушеров, которые не признавали его метода дезинфекции рук. Результаты этого нововведения дали очень скоро о себе знать. Если до введения хлорированной воды, в апреле 1847 года, из 312 рожениц умерло 57 (18,26%), в мае, когда метод апробировался, процент смертности снизился до 12, в следующие 7 месяцев – до 3%, и, наконец, в 1848 году умерло всего 1,27% (из 3556 чел. – 45 чел.).

Доктор Земмельвейс начал бороться за чистоту в больницах, но, как известно, многие великие истины поначалу считались кощунством. Коллеги откровенно смеялись над ним, когда он пытался перехитрить «больничную смерть» кусочком хлорной извести. Среди его противников были врачи с европейскими именами. Даже Вирхов выступил против Земмельвейса. В 1858 году, в докладе Берлинскому обществу акушеров, он высказал о родильной горячке такие соображения, за

которые его осмеяли даже венгерские акушерки, – настолько высоко, в сравнении с Берлином, стояло тогда знание о родильной горячке в Венгрии.

Игнацу Земмельвейсу в 1850 году с большим нежеланием присвоили звание приват-доцента, при этом ограничив его права. Он мог лишь вести демонстрационные занятия на муляже. Новшества Земмельвейса казались его коллегам нелепым чудачеством, недостойным звания врача. И он поплатился за них изгнанием из родных стен Венской клиники. Он не перенес такого унижения и уехал в свой родной город Пешт, где вскоре занял место врача акушерского отделения больницы Св. Рохуса. В 1855 году Земмельвейс стал профессором акушерства в Пештском университете. Его угнетало отрицательное отношение многих ученых к его открытию, страдала не только научная истина, страдало его самолюбие.

Профессор Земмельвейс с 1858 по 1860 год опубликовал ряд статей о родильной горячке и в конце концов выпустил классический труд «Die Aethiologie der Begriff die Prophylaxis des Kindbettfiebers». Книга Земмельвейса сумела убедить немногих, целый ряд выдающихся специалистов остались противниками учения Земмельвейса. Некий молодой ассистент опубликовал работу о родильной горячке, в которой искажил точку зрения Земмельвейса. Это сочинение получило награду Бюрцбургского медицинского факультета.

В 1861-1862 годах Земмельвейс написал пять писем: четыре – знаменитым врачам и общее всем акушерам. В последнем письме автор угрожает, что обратится ко всему обществу с предупреждением об опасности, которая грозит каждой беременной от акушеров и акушерок, не моющих свои руки перед исследованием.

Попытка одиночки противостоять неизбежному поставила доктора Земмельвейса на грань между жизнью и смертью. Непонятый, отвергнутый и осмеянный своими коллегами, он заболел душевной болезнью. Две недели провел великий врач-новатор заживо погребенным в доме для умалишенных в Деблинге. Незадолго перед тем, как попасть в сумасшедший дом, во время одной из последних своих операций, которую Земмельвейс провел новорожденному, он порезал палец правой руки. После панариция у него развился абсцесс грудных мышц, прорвавшийся в плевральную область.

«Больничная смерть», причину которой Земмельвейс видел в заражении крови, не пощадила и его.. 13 августа 1865 года смерть одолела его. При вскрытии у него обнаружили водянку головного мозга. 47 лет – вот какой срок оказался отпущен ему небесами.

В 1891 году тело Игнаца Земмельвейса перевезли в Будапешт. На пожертвования врачей всего мира 20 сентября 1906 года ему поставили памятник, на котором написали «Спаситель матерей».

ВИКИ добавляет:

В [1847](#) г., пытаясь понять причины послеродовой горячки ([сепсиса](#)) у многих рожениц — и, в частности, того факта, что смертность при родах в больнице (30—40 и даже 50 %) намного превосходила смертность при домашних родах, —

Земмельвейс предположил, что инфекцию приносят из инфекционного и патологоанатомического отделений больницы. Врачи в то время много практиковали в прозекторской, и принимать роды часто прибегали прямо от трупа, вытерев руки носовыми платками. Земмельвайс обязал персонал больницы перед манипуляциями с беременными и роженицами обеззараживать руки окунанием их в раствор [хлорной извести](#). Благодаря этому смертность среди женщин и новорожденных упала более чем в 7 раз — с 18 до 2,5 %.

Идея Земмельвайса вызывала такое сильное неприятие, что врачебное сообщество не убедила даже смерть немецкого врача Густава Михаэлиса. **Тот смеялся над Земмельвайсом**, но решил проверить его предложение на практике. Когда смертность среди его пациенток упала в разы, потрясённый Михаэлис не выдержал унижения и покончил с собой.

Затравленный Земмельвайс закончил свою жизнь в психлечебнице, где умер от того же сепсиса, от которого умирали женщины-роженицы до его открытия^[1].

Свое открытие Игнац Земмельвайс сделал на 18 лет раньше [Листера](#). Пионерская роль Земмельвайса в изобретении и внедрении [антисептики](#) была признана только после его смерти. Именем Земмельвайса назван [Будапештский университет медицины и спорта](#). В 1906 году в Будапеште на пожертвования врачей всего мира Земмельвайсу был поставлен памятник, на котором написано «Спасителю матерей». В доме, где в Будапеште жил Земмельвейс, работает [Музей истории медицины Земмельвейса](#).